

Роль взаимоотношений подростков с социальным окружением как фактор защиты от рискованных форм поведения

Е.В. Булычева

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия,
e-sosnina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8215-8674>

Актуальность. Подростковый возраст сопряжен с высокой вероятностью дебюта рискованных форм поведения. При этом социальное окружение и потребность в нем могут определять потенциал реализации этого поведения. Ведущую роль в формировании поведения подростка играют семейные взаимоотношения. Среди всех факторов неблагоприятного социального окружения, которые могут формировать эмоциональные переживания или их усиливать ведущими считаются семейные типы родительно-подростковых взаимоотношений, а также индивидуальные потребности подростков в общении со сверстниками.

Цель. Дать характеристику факторам защиты от рискованных форм поведения среди подростков.

Выборка. В исследовании приняли участие 865 здоровых подростков в возрасте 15–17 лет среди которых согласно критериям включения отобрано 120 подростков, из них 70 (57,4%) юношей и 50 (41,6%) девушек. Из этой же выборки исследование «родительской толерантности» проведено у 50 родительских пар подростков.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось с помощью психодиагностических методик: Л.М. Шипицыной (Шипицына, 2001) «Изучение факторов риска и защиты»; модифицированной методики С.С. Гончаровой версии Бернского опросника «Способы преодоления критических ситуаций» (Гончарова, 2006); «Шкала психологического стресса PSM-25» (Тейлор, 1953; Немчин, 1966) и «Опросник определения нервно-психической устойчивости, риска дезадаптации в стрессе «Прогноз» (Рыбников, 1985); «Родительская толерантность» (Овчарова, 2018); методика «Тест профиля отношений» (Борнштейна, Гиршфильд, 2001; Макушина, 2005). В целях изучения связи между признаками: показателями «родительской толерантности» и выраженностью стресса и стрессоустойчивостью использовались корреляционный анализ с расчетом коэффициента Пирсона и Спирмена, их коэффициентов детерминации (r^2) и достоверности корреляции.

Результаты. Показано, что для каждого второго подростка факторами защиты от рискованных форм поведения являлись: социально-бытовое окружение (61,6%), семья (65,4%), школа (46,9%). При этом высокая степень потребности при преодолении негативных ситуаций у подростков выявлена в поиске поддержки (у каждого четвертого подростка); повышении самооценки (у 22,2% подростков); анализа проблемы (у 24,2% подростков). Среди всех составляющих компонентов родительской толерантности достоверную сильную связь, определяющую выраженность стрессоустойчивости, имело 4 показателя когнитивного компонента и 6 показателей эмоционального компонента. В основе этиологии межличностной зависимости средней степени выраженности являлась эмоциональная опора на других у 72,3% учащихся; неуверенность в себе у 80,5% учащихся и стремление к автономии у 55,5% учащихся.

Выводы. Материалы проведенного исследования указывают на необходимость мониторинга факторов защиты от рискованных форм поведения, а также их коррекцию через проведение работы не только непосредственно с самими подростками, но и их семьями, так же актуализации профилактической работы, направленной на обучение подростков преодолевать негативные эмоциональные переживания эффективными методами.

Ключевые слова: факторы защиты, родительская толерантность, межличностная зависимость, рискованные формы поведения, подростки.

Для цитирования: Булычева Е.В. Роль взаимоотношений подростков с социальным окружением как фактор защиты от рискованных форм поведения // Национальный психологический журнал. 2023. № 1 (49). С. 88–101. doi: 10.11621/npj.2023.0108

Adolescents' relationships with the social environment as a factor of protection against risky behaviours

Ekaterina V. Bulycheva

Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia,
e-sosnina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8215-8674>

Background. Adolescence is associated with a high probability of the debut of risky behaviours. At the same time, social environment and the need for it can determine the potential for the implementation of this behavior. Family relationships play a leading role in shaping the behaviour of a teenager. Among all the factors of a dysfunctional social environment that can form emotional experiences or strengthen them, family types of parent-adolescent relationships, as well as the individual needs of adolescents in peer communication, are considered to be the leading ones

Objective. The study aims to characterize the factors of protection against risky behaviours among adolescents.

Sample. The study involved 865 healthy adolescents aged 15–17 years, among whom 120 adolescents were selected according to the inclusion criteria (voluntary informed consent from a teenager and legal representatives; exclusion criteria: adolescents with official diagnoses according to ICD-10 related to behavioral disorders; chronic mental and somatic diseases), 70 of them were (57.4%) boys and 50 subjects were (41.6%) girls. From the same sample, a study of “parental tolerance” was conducted in 50 parent pairs of adolescents.

Methods. The empirical study was conducted with psychodiagnostic methods: (Shipitsyna, 2001) “Study of risk factors and protection”; modified technique of Bern questionnaire version “Ways to overcome critical situations” (Goncharova, 2006); “PSM-25 psychological stress scale” (Taylor, 1953, Nemchin, 1966), and “Questionnaire for determining nervous-mental stability, risk of maladjustment in stress “Prognosis” (Rybnikov, 1985); “Parental tolerance” (Ovcharova, 2018); methodology “Relationship profile test” (Bornstein, Girshfield, 2001, Makushina, 2005). Correlation analysis was applied to study the relationship between indicators of “parental tolerance”, the severity of stress, and stress resistance. Pearson and Spearman coefficients, their determination coefficients (r^2) and the reliability of the correlation were calculated.

Results. It is shown that for every second teenager, the factors of protection against risky behaviours included social environment (61.6%), family (65.4%), school (46.9%). At the same time, a high degree of need to overcome negative situations in adolescents was revealed in the search for support (in every fourth teenager); self-esteem increase (in 22.2% of adolescents); problem analysis (in 24.2% of adolescents). Among all the components of parental tolerance, 4 indicators of the cognitive component and 6 indicators of the emotional component had a reliable strong relationship that determines the severity of stress resistance. The etiology of interpersonal dependence of moderate severity was based on emotional reliance on others in 72.3% of students; self-doubt in 80.5% of students and the desire for autonomy in 55.5% of students.

Conclusion. The materials of the study indicate the need to monitor factors of protection against risky behaviours, as well as their correction through work not only directly with the adolescents themselves, but also with their families, as well as the actualization of preventive work aimed at teaching adolescents to overcome negative emotional experiences with effective methods.

Keywords: protection factors, parental tolerance, interpersonal dependence, risky behaviours, adolescents.

For citation: Bulycheva, E.V. (2023). Adolescents' relationships with the social environment as a factor of protection against risky behaviours. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal (National psychological journal)*, 1 (49), 88–101. doi: 10.11621/npj.2023.0108

Введение

Рисковые формы поведения среди подростков являются актуальной проблемой. Недооценка вероятности негативного исхода у подростка приводит к неактивным последствиям рискованного поведения, которые служат источником общественного беспокойства (Смирнов, 2022). В исследованиях широкого спектра научных специальностей, посвященных росту и развитию детей и подростков, ведущими факторами формирования различной природы форм рискованного поведения отводится благополучию семьи и окружению подростка (Сафронова, Слободская, Гудман, 2003; Сафронова, Гаврилова, 2011; Овчарова, 2018; Жукова, Шишкина, 2018; Бубнова, Рерке, 2019; Архангельский, Шулгин, Зинькина, 2020; Елизарьева, Галактионова, Строзенко и др., 2020; Макарова, Павлова, Макарова, 2020; Усова, Чевтаева, Никитина, Скаво, 2020; Усова, Усов, Костина, Дуран, 2021; Чубаров, Бессонова, Жданова, 2021; Кошарная, Каримова, 2022). В этой связи становится актуальным исследование главных факторов защиты рискованных форм поведения, их детализация, позволяющая определить благополучие семьи, а также личностный профиль межличностных отношений, исходной биологической потребности в социуме у подростков.

Цель и гипотеза исследования

Цель — дать характеристику факторам защиты от рискованных форм поведения среди подростков. Нами была выдвинута **гипотеза** о том, что, учитывая опубликованные данные в научной литературе, рискованные формы поведения формируются в условиях негативных эмоциональных переживаниях подростка на фоне неблагоприятного социального окружения, среди всего многообразия описанных факторов, ведущими являются семейные типы родительно-подростковых взаимоотношений, а также индивидуальные потребности в общении со сверстниками.

Задачи исследования

- 1) определить ведущие факторы защиты от рискованных форм поведения у подростков;
- 2) дать оценку родительской толерантности, как фактора защиты от рискованных форм поведения;
- 3) оценить состояние межличностных зависимостей у подростков, как фактора защиты от рискованных форм поведения.

Методы и методики

Дизайн исследования одобрен в рамках запланированной темы диссертационной работы Локально-

этическим комитетом при ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» Минздрава России (Протокол № 217 от 17 января 2019 года). Одномоментное обсервационное исследование описательного типа проведено в 2021 году.

У подростков выявлены факторы развития рискованных форм поведения согласно методике Л.М. Шипицыной (Шипицына, 2001) «Изучение факторов риска и защиты»; а также проведена оценка способов и стратегий, направленных на преодоление подростками негативных ситуаций, по модифицированной версии Бернского опросника «Способы преодоления критических ситуаций» С.С. Гончаровой (Гончарова, 2006).

Характеристика социального благополучия семьи определялась по методике Р.В. Овчаровой путем оценки «родительской толерантности» (Овчарова, 2018). Анкетным методом оценен уровень стресса по опросникам Т.М. Немчина и Дж. Тейлора «Шкала психологического стресса PSM-25» и «Опросник определения нервно-психической устойчивости, риска дезадаптации в стрессе «Прогноз» (Рыбников, 1985).

Деструктивная сверхзависимость, дисфункциональное отделение, здоровая зависимость определена по методике «Тест профиля отношений» (Борнштейн, Гиришфильд, 2001; Макушина, 2005).

В целях изучения связи между признаками: показателями «родительской толерантности» и выраженностью стресса и стрессоустойчивости использовались корреляционный анализ с расчетом коэффициента Пирсона, коэффициента детерминации (r^2) и достоверности корреляции. В случае анализа количественных показателей при расчете тесноты связи между признаками изучаемых явлений рассчитывался коэффициент корреляции Спирмена.

Выборка

В исследовании приняли участие 865 здоровых подростков в возрасте 15–17 лет. Критерии включения: добровольное информированное согласие от подростка и законных представителей; критерии исключения: подростки, имеющие официальные диагнозы по МКБ-10, связанные с расстройствами поведения; хронические психические и соматические заболевания. На основании данных критериев в группу исследования было отобрано 120 подростков, из них 70 (57,4%) юношей и 50 (41,6%) девушки. В связи с тем, что при анализе данных у юношей и девушек по исследуемым показателям не было достоверных различий, в результатах настоящего исследования приводятся данные всей совокупности выборки без разделения по полу. Из этой же выборки исследование «родительской толерантности» проведено у 50 родительских пар подростков.

Результаты

Факторы риска и защиты формирования аддиктивных форм поведения (Шипицына, 2001). Показано, что для каждого второго подростка факторами защиты от рискованных форм поведения являлись: семья (65,4%), социально-бытовое окружение (61,6%) и школа (46,9%), а ведущими факторами риска — индивидуальные особенности учащегося ($15,8 \pm 3,09$ баллов) и семья ($15,7 \pm 3,31$ баллов).

Способы преодоления негативных ситуаций и состояния эмоционального неблагополучия (Гончарова, 2006). Учитывая приведенные ниже данные, становится очевидным, что при

возникновении негативных ситуаций и состояний, которые могут провоцировать дебюты рискованных форм поведения, члены семьи и социальное окружение играют важную роль в профилактике их возникновения. Так, установлено, что среди подростков ведущим фактором преодоления негативных ситуаций и эмоционального неблагополучия у учащихся подросткового возраста являлось повышение самооценки, средние значения которого составили $18,4 \pm 1,87$ баллов (рис. 1). При этом при преодолении негативных ситуаций и эмоциональных состояний у каждого четвертого учащегося определена высокая степень выраженности поиска поддержки (25%), анализа проблем (24,2%) и повышение самооценки (22,2%).

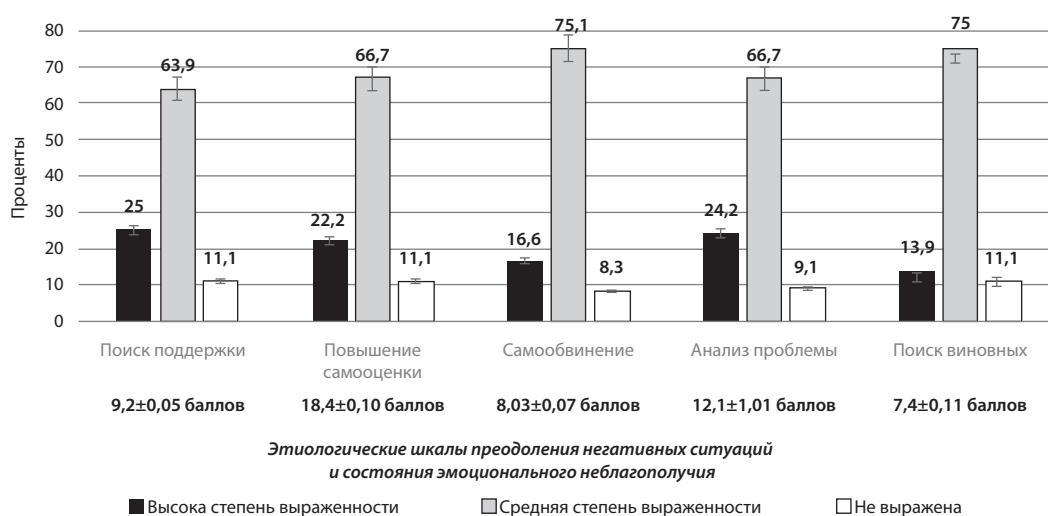

Рис. 1. Распределение учащихся в зависимости от выраженности этиологических показателей преодоления негативных ситуаций и состояния эмоционального неблагополучия

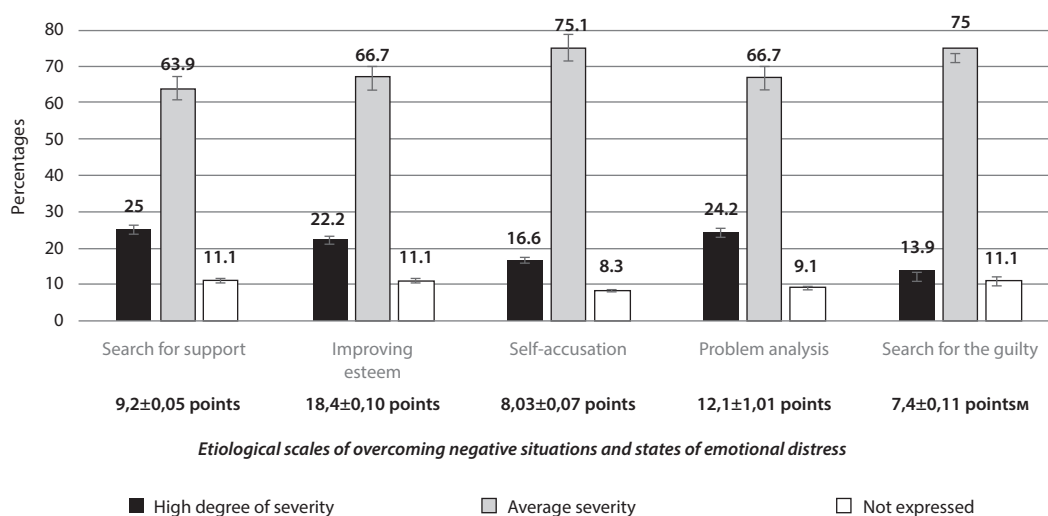

Fig. 1. Distribution of students depending on the severity of etiological indicators for overcoming negative situations and the state of emotional distress

Стресс (Тейлор, 1953; Немчин, 1966) и стрессоустойчивость (Рыбников, 1985). Среди исследуемых подростков 45,6% испытывали высокий уровень стресса, 19,4% подростков — средний уровень стресса и 35,0% подростков — низкий уровень стресса. При том, что каждый второй подросток имел высокий уровень нервно-психической устойчивости, у 33,4% подростков нервно-психическая устойчивость была удовлетворительной, а у 13,3% подростков — неудовлетворительной.

Родительская толерантность (Овчарова, 2018). Важным в преодолении подростком негативных ситуаций и эмоционального неблагополучия является семья. В основном, в научных трудах характеристика социального благополучия семьи определяется ее составом, образованием и сферой деятельности родителей, уровнем жилищно-бытовых условий, семейной обстановкой. Исследования Р.В. Овчаровой показывают, что при оценке благополучия семьи объективнее и достовернее изучать родительскую толерантность (Ovcharova, 2018) как интегральное трехуровневое образование личности родителя, проявляющееся когнитивным, эмоциональным, поведенческим компонентами, что обуславливает субъектное развитие личности ребенка и его психологическое благополучие (Асмолов, Солдатова, Шайгерова, 2001; Бардиер, 2005; Овчарова, 2013; Borelli, Compare, Snavelly, Decio, 2015; Stern, Borelli, Smiley, 2015; Ovcharova, 2018).

Согласно исследованиям ученых, благополучие семьи определяется в большей степени родительской

толерантностью, нежели их уровнем заработка, образованием, полнотой семьи. Становится очевидной актуальность исследования семьи в вопросе выявления социальных факторов риска ухудшения психического здоровья учащихся (Овчарова, 2013). По результатам оценки родительской толерантности (Овчарова, 2018) показано, что максимальный процент низкой родительской толерантности установлен по поведенческому компоненту, до 78,5% родителей. Низкий уровень когнитивного компонента родительской толерантности имели 15,2% родителей; эмоционального компонента — 6,3% родителей. Низкий уровень поведенческого компонента в большинстве случаев формировался за счет наличия авторитарной «гиперсоциализации» у 66,1% родителей и низкой степени толерантности или полного неприятия окружающих у 63,8% родителей (табл. 1). Снижение уровня когнитивного компонента родительской толерантности было обусловлено низкими уровнями значений по шкалам «Родительские установки и ожидания» (11,8±1,11 баллов) и «Стиль семейного воспитания» (10,2±2,01 баллов). Детализация эмоционального компонента показала, что большинство родителей имели высокие уровни развития по шкале «Родительская любовь» (49,3%), тогда как каждый третий родитель имел низкий уровень значений по шкалам «Позитивные чувства к себе как родителю» (36,9%), «Позитивные чувства к ребенку, основанные на безусловном принятии» (34,5%), «Позитивные чувства к супруге (супругу) как родителю» (29,3%).

Таблица 1. Показатели родительской толерантности

Наименование компонентов «родительской толерантности»	Значения компонентов «родительской толерантности» (M±m)	Уровни выраженности компонента	Удельный вес родителей, имеющих различный уровень выраженности показателя (%)
Когнитивный компонент:			
Родительские позиции	24,6±1,55	низкий/средний/ высокий	15,8 / 46,9 / 37,3
Родительские чувства	25,9±0,98		10,8 / 56,2 / 33,0
Родительская ответственность	26,3±2,14		8,6 / 29,3 / 62,1
Родительские установки и ожидания	11,8±1,11		49,7 / 36,2 / 14,4
Семейные ценности	25,1±0,28		33,5 / 32,6 / 33,9
Стиль семейного воспитания	10,2±2,01		55,6 / 38,4 / 6,0
Родительское отношение	22,4±1,18		9,5 / 33,4 / 42,9
Поведенческий компонент:			
Личность родителей	88,2±3,12	низкий / средний / авторитарная «гиперсоциализация»	18,3 / 15,6 / 66,1
Коммуникативная толерантность родителей	124,9±5,09	высокая / средняя / низкая / полное неприятие окружающих	8,3 / 28,5 / 38,6 / 25,2
Эмоциональный компонент:			
Шкала любви	35,8±2,86	низкий / средний / высокий	12,9 / 36,4 / 50,7

Окончание таблицы 1

Наименование компонентов «родительской толерантности»	Значения компонентов «родительской толерантности» (M±m)	Уровни выраженности компонента	Удельный вес родителей, имеющих различный уровень выраженности показателя (%)
Шкала симпатии	32,3±3,08	низкий / средний / высокий	21,8 / 44,2 / 34,0
Позитивные чувства к себе как родителю	18,8±3,64		36,9 / 41,7 / 21,4
Позитивные чувства к родительству	21,3±2,57		18,5 / 42,9 / 38,6
Позитивные чувства к ребенку	23,4±3,61		9,5 / 59,3 / 31,2
Общий уровень позитивных родительских чувств	18,6±1,19		26,7 / 62,5 / 10,8
Позитивные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями	20,0±2,13		21,3 / 52,6 / 26,1
Позитивные чувства к ребенку, основанные на безусловном принятии	19,2±5,17		34,5 / 43,4 / 22,1
Родительская любовь	22,8±2,18		19,5 / 31,2 / 49,3
Позитивные чувства к супруге (супругу) как родителю	20,6±1,46		29,3 / 49,2 / 21,5

Table 1. Indicators of parental tolerance

The name of the components of "parental tolerance"	Values of the components of "parental tolerance" (M±m)	Levels of component severity	The proportion of parents with different levels of severity of the indicator (%)
Cognitive component:			
Parent positions	24.6±1.55	low/medium/high	15.8 / 46.9 / 37.3
Parental feelings	25.9±0.98		10.8 / 56.2 / 33.0
Parental responsibility	26.3±2.14		8.6 / 29.3 / 62.1
Parental attitudes and expectations	11.8±1.11		49.7 / 36.2 / 14.4
Family values	25.1±0.28		
Style of family education	10.2±2.01		55.6 / 38.4 / 6.0
Parental attitude	22.4±1.18		9.5 / 33.4 / 42.9
Behavioral component:			
Identity of parents	88.2±3.12	low / medium / authoritarian "hypersocialization"	18.3 / 15.6 / 66.1
Parents' communicative tolerance	124.9±5.09	high / medium / low / complete rejection of others	8.3 / 28.5 / 38.6 / 25.2
The emotional component:			
Scale of love	35.8±2.86	low / medium / high	12.9 / 36.4 / 50.7
Scale of sympathy	32.3±3.08		21.8 / 44.2 / 34.0
Positive feelings about yourself as a parent	18.8±3.64		36.9 / 41.7 / 21.4
Positive feelings about parenthood	21.3±2.57		18.5 / 42.9 / 38.6
Positive feelings for the child	23.4±3.61		9.5 / 59.3 / 31.2
The overall level of positive parental feelings	18.6±1.19		26.7 / 62.5 / 10.8
Positive feelings for the child due to his merits and achievements	20.0±2.13		21.3 / 52.6 / 26.1
Positive feelings for the child based on unconditioned acceptance	19.2±5.17		34.5 / 43.4 / 22.1

End of table 1

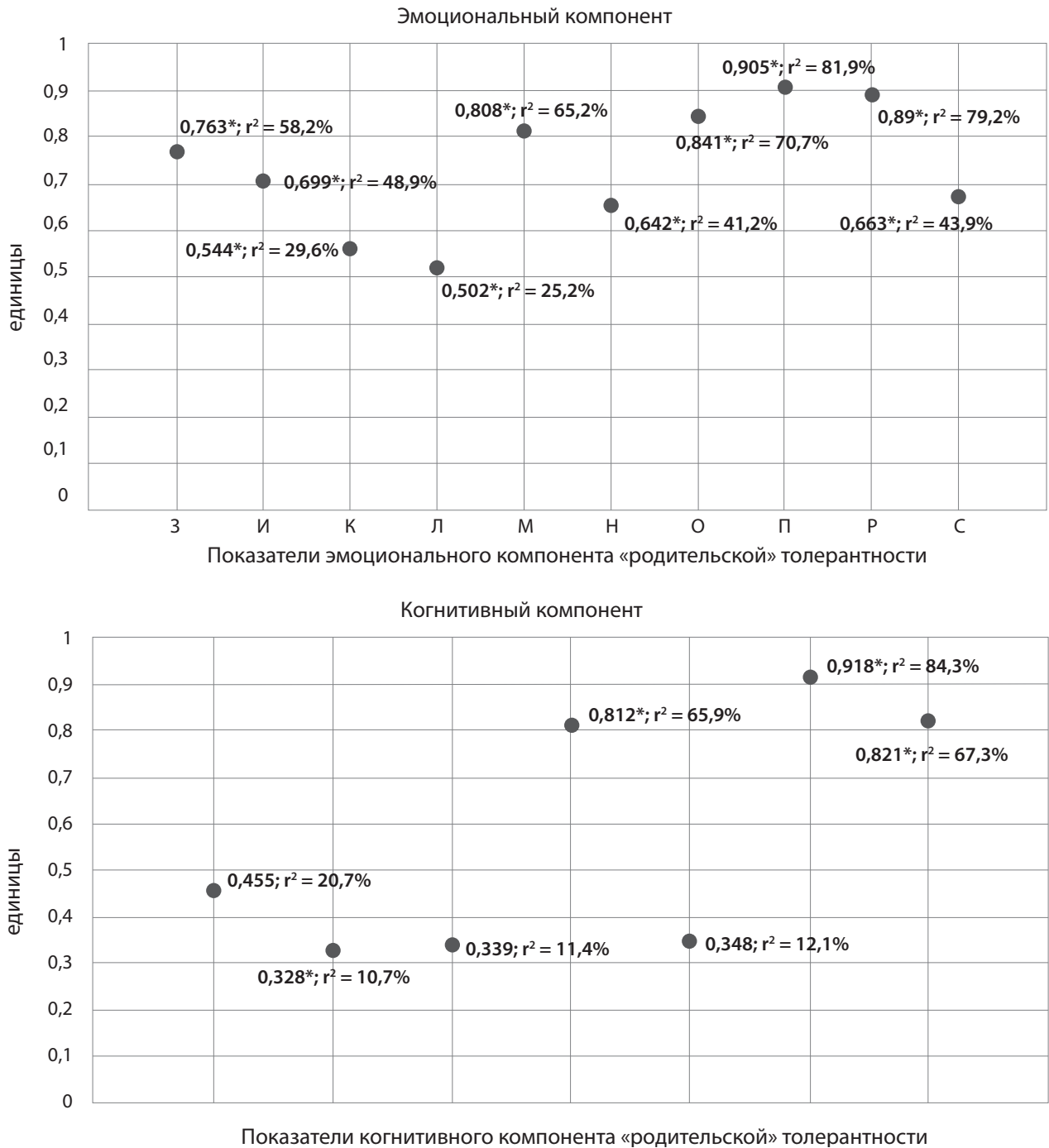
The name of the components of "parental tolerance"	Values of the components of "parental tolerance" (M±m)	Levels of component severity	The proportion of parents with different levels of severity of the indicator (%)
Parental love	22.8±2.18	low / medium / high	19.5 / 31.2 / 49.3
Positive feelings towards your spouse as a parent	20.6±1.46		29.3 / 49.2 / 21.5

Установлено, что каждый третий родитель имел высокий уровень «родительской позиции» (37,3%) и «родительских чувств» (33,0%). Это означает, что подростки в таких семьях ощущают достаточную родительскую поддержку в виде конструктивных советов и сочувствия в сложных для их детей ситуациях. Большинство родителей 62,1% обладали высоким уровнем ответственности, при этом они имели не гипертрофированные ожидания в отношении своих детей (49,7%). Обращает на себя внимание, что равное количество родителей имели низкий (33,5%), средний (32,6%) и высокий уровень (33,9%) семейных ценностей. До 55,6% родителей имели низкий уровень стиля семейного воспитания. Вызывает тревогу установленный факт того, что до 66,6% родителей имели авторитарный гиперсоциальный тип личности и каждый четвертый родитель (25,2%) характеризовался полным неприятием окружающих. В эмоциональном компоненте родительской толерантности благоприятными фактами являются полученные результаты о том, что большинство родителей испытывали позитивные чувства к родителю (38,6%), позитивные родительские чувства в виде родительской любви (49,3%) и симпатию (50,7%).

В пользу роли семейных взаимоотношений как фактора защиты подростков от рискованных форм поведения свидетельствуют данные о том, что семейное благополучие определяет уровень стресса и нервно-психической устойчивости подростка. Так, среди всех составляющих компонентов родительской толерантности достоверную сильную связь, определяющую выраженность стрессоустойчивости имели 4 показателя когнитивного компонента (Овчарова, 2018): родительские чувства, родительские установки и ожидания, стиль семейного воспитания, родительское отношение; и 6 показателей эмоционального компонента: шкала любви, шкала симпатии, позитивные чувства к ребенку, чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями, позитивные чувства к ребенку, основанные на безусловном принятии и родительская любовь (рис. 2). Становится очевидным, что эмоциональное отношение к ребенку, а также его принятие без чрезмерной актуализации на его достижениях являются важными факторами в формировании нервно-психической устойчивости подростков.

Согласно, представленным данным коэффициент детерминации (r^2) на рисунке 2, установлено, что среди всех исследуемых показателей когнитивного компонента «родительской толерантности» уровень стрессоустойчивости определялся у 84,3% подростков стилем семейного воспитания; у 67,3% подростков — родительским отношением; у 65,9% подростков — родительскими установками и ожиданиями. В эмоциональном компоненте родительской толерантности уровень стрессоустойчивости определялся у 81,9% подростков — позитивными чувствами к ребенку, основанными на безусловном принятии; у 79,2% подростков — родительской любовью; у 70,7% подростков — позитивными чувствами родителя к ребенку, обусловленными его достоинствами и достижениями; у 65,2% подростков — позитивными чувствами родителя к ребенку. В итоге у 48,9–58,2% подростков их стрессоустойчивость зависела от выраженности любви и симпатии их родителей.

Профиль отношений (Борнштейн, Гирифильд, 2001; Макушина, 2005). В подростковом возрасте, помимо близкого семейного окружения, большое значение приобретают другие социальные факторы, в том числе, внешнее окружение подростка и система межличностных связей. Взаимоотношения со сверстниками и романтические отношения с лицами противоположного пола становятся важными для молодого человека в период личностного становления. В то же время, взрослеющий человек стремится завоевать уважение со стороны значимых взрослых — родителей и педагогов. Если возникают проблемы во взаимоотношениях, появляется чувство одиночества, «непонятости», социальная изоляция, — все это оказывает неблагоприятное влияние на неустойчивую самооценку и может стать пусковым механизмом рискованного поведения (Семенова, 2018). Ядром потребности в социальном поощрении, становления авторитета является степень выраженности межличностной зависимости. Показано, что согласно методике «Тест профиля отношений» недеструктивную межличностную зависимость имеют 22,3±0,07 учащихся подросткового возраста, уровень которой составлял 28,7±1,79 баллов (табл. 2). Согласно методике «Тест профиля отношений» у 26,5±0,05 подростков выявлена выраженная степень деструктивной зависимости, лишь 33,9±0,07 учащихся не имеют деструктивной

Рис. 2. Зависимость выраженности нервно-психической устойчивости подростков от компонентов «родительской толерантности»
Примечание: * при $p \leq 0,05$; А — родительские позиции; Б — родительские чувства; В — родительская ответственность; Г — родительские установки и ожидания; Д — семейные ценности; Е — стиль семейного воспитания; Ж — родительское отношение; З — шкала любви; И — шкала симпатии; К — положительные чувства к себе как родителю; Л — положительные чувства к родительству; М — положительные чувства к ребенку; Н — общий уровень положительных родительских чувств; О — положительные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями; П — положительные чувства к ребенку, основанные на безусловном принятии; Р — родительская любовь; С — положительные чувства к супругу (супругу) как родителю

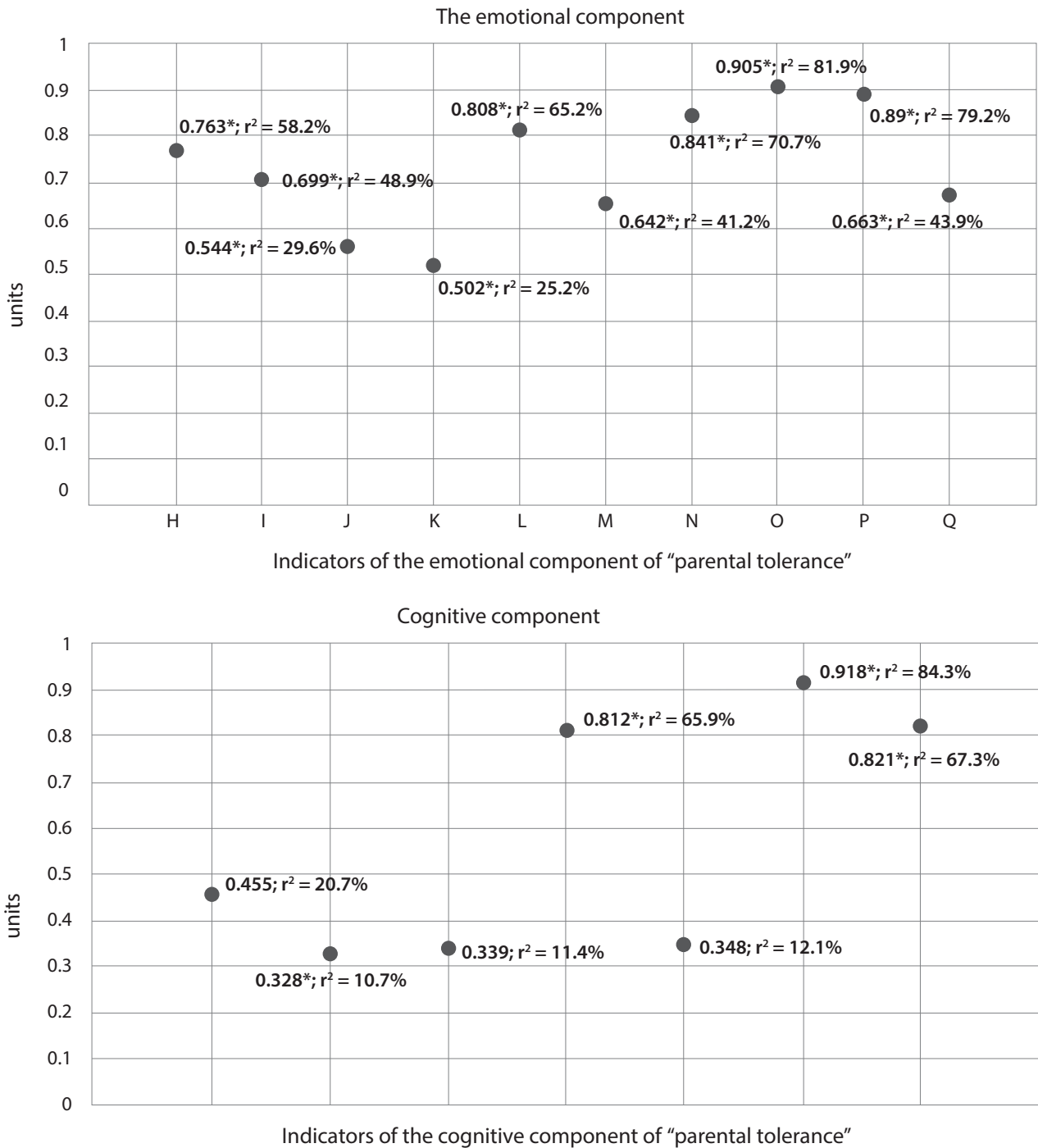

Fig. 2. Dependence of the severity of stress tolerance in adolescents on the components of "parental tolerance"

Note: * at $p < 0.05$; A — parental positions; B — parental feelings; C — parental responsibility; D — parental attitudes and expectations; E — family values; F — style of family education; G — parental attitude; H — scale of love; I — scale of sympathy; J — positive feelings to himself as a parent; K — positive feelings for parenthood; L — positive feelings for the child; M — the general level of positive parental feelings; N — positive feelings for the child, due to his merits and achievements; O — positive feelings for the child, based on unconditioned acceptance; P — parental love; Q — positive feelings for the spouse as a parent

сверхзависимости и максимальное число учащихся 60,9±0,08% имеют среднюю степень выраженности дисфункционального отделения, характеризующееся состоянием умеренно выраженной способности развивать социальные связи, устанавливать тесные отношения привязанности; уклонением от близких отношений с другими людьми. Установлена средней степени выраженность неуверенности в себе у 80,5±0,07% учащихся; эмоциональная опора на

других — у 72,3±0,07 учащихся; и зависимость 63,9±0,08. Комплексная оценка профиля отношения показала, что большинство учащихся 63,9±0,08% имели средней степени выраженность межличностной зависимости, а каждый третий учащийся (27,8±0,07%) имели выраженную степень межличностной зависимости, что формирует высокий риск приобщения учащихся к аддиктивным агентам, таким как употребление психоактивных веществ.

Таблица 2. Показатели профиля отношений у учащихся подросткового возраста

Виды межличностной зависимости				
Деструктивная сверхзависимость	M±m	28,7±1,79		
	Степень выраженности:	Нехарактерна	Средняя степень выраженности	Выраженная
	P±σp%	33,9±0,07	39,6±0,08	26,5±0,05
Дисфункциональное отделение	M±m	32,6±2,11		
	Степень выраженности:	Нехарактерна	Средняя степень выраженности	Выраженная
	P±σp%	19,5±0,06	60,9±0,08	19,6±0,05
Недеструктивная зависимость	M±m			
	Степень выраженности:	Нехарактерна	Средняя степень выраженности	Выраженная
	P±σp%	12,2±0,05	65,6±0,07	22,3±0,07
Этиология межличностной зависимости				
Эмоциональная опора на других	M±m	42,1±2,23		
	Степень выраженности:	Низкая	Средняя	Выраженная
	P±σp%	19,4±0,06	72,3±0,07	8,3±0,05
Неуверенность в себе	M±m	34,5±1,37		
	Степень выраженности:	Низкая	Средняя	Выраженная
	P±σp%	2,9±0,03	80,5±0,07	16,6±0,06
Стремление к автономии	M±m	29,6±3,06		
	Степень выраженности:	Низкая	Средняя	Выраженная
	P±σp%	30,6±0,08	55,5±0,07	13,9±0,06
Комплексная оценка зависимости	M±m	46,6±3,57		
	Степень выраженности:	Низкая	Средняя	Выраженная
	P±σp%	8,3±0,05	63,9±0,08	27,8±0,07

Table 2. Relationship profile indicators for adolescent students

Types of interpersonal dependence				
Destructive over-dependence	M±m	28.7±1.79		
	Degree of severity:	Not typical	Average severity	Expressed
	P±σp%	33.9±0.07	39.6±0.08	26.5±0.05
Dysfunctional department	M±m	32.6±2.11		
	Degree of severity:	Not typical	Average severity	Expressed
	P±σp%	19.5±0.06	60.9±0.08	19.6±0.05
Non-destructive addiction	M±m			
	Degree of severity:	Not typical	Average severity	Expressed
	P±σp%	12.2±0.05	65.6±0.07	22.3±0.07

End of table 2

Etiology of interpersonal dependence				
Emotional reliance on others	M±m	42.1±2.23		
	Degree of severity:	Low	Average	Expressed
	P±σp%	19.4±0.06	72.3±0.07	8.3±0.05
Self-doubt	M±m	34.5±1.37		
	Degree of severity:	Low	Average	Expressed
	P±σp%	2.9±0.03	80.5±0.07	16.6±0.06
Striving for autonomy	M±m	29.6±3.06		
	Degree of severity:	Low	Average	Expressed
	P±σp%	30.6±0.08	55.5±0.07	13.9±0.06
Comprehensive assessment of dependence	M±m	46.6±3.57		
	Degree of severity:	Low	Average	Expressed
	P±σp%	8.3±0.05	63.9±0.08	27.8±0.07

Деструктивная сверхзависимость, выявленная у каждого третьего подростка, характеризуется ощущением беспомощности, страхом одиночества, сфокусированностью на окружающих и ожиданиями действий с их стороны и оценок. Этиологией данной зависимости, вероятно, могла стать для 16,6% подростков неуверенность в себе, у 8,3% подростков — потребность в эмоциональной опоре на других.

Дисфункциональное отделение у каждого пятого подростка может проявляться избеганием сближения в отношениях, чрезмерной сфокусированностью на своей деятельности и амбивалентностью отношения к потенциальным друзьям. Этиологией дисфункционального отделения, вероятно, могло стать для 13,9% подростков стремление к автономии.

Полученные данные позволят формировать эффективную работу с подростками по снижению риска формирования рискованных форм поведения, сопряженных с этим возрастом. Поскольку подростковый возраст является переходным критическим периодом развития и характеризуется многочисленными нейробиологическими изменениями, существенно влияющими на поведение подростков (Макарова, Павлова, Макарова, 2020; Булычева, 2022; Fairchild, Passamonti, Hurford et al., 2011; Blakemore, Mills, 2014; Padmanabhan, Luna, 2014; Stern, Borelli, Smiley, 2015; Rogers, De Brito, 2016; Spear, Silveri, 2016; Dick Danielle et al., 2016; Mills, Goddings, Herting et al., 2016; Zheng, Brendgen, Dionne et al., 2019; Kerekes, Zouini, Karlsson et al., 2020). Эти биологические изменения комплексно взаимодействуют с окружающей средой и характеризуют уязвимый и динамичный период физического, психического, социального развития и уязвимость подростков (Чубаров, Бессонова, Жданова и др., 2021; Blakemore, Mills, 2014). В этой связи, в подростковом периоде поведение рассматривается как рискованное,

характеризующееся как поведение с потенциальными выгодными результатами, основанное на стимулах, но сопряженное с высокими возможными негативными последствиями (Padmanabhan, Luna, 2014). В результате подростковый возраст становится периодом манифестации различных расстройств поведения (Dalwani, McMahon, Mikulich-Gilbertson et al., 2015; Blakemore, Mills, 2014; Rogers, De Brito, 2016; Kerekes, Zouini, Karlsson et al., 2020).

Выводы

1. В рамках исследования были выявлены важные факторы защиты от рискованных форм поведения, к которым относится: социально-бытовое окружение (61,6%), школа (46,9%), семья (65,4%). При этом высокая степень потребности при преодолении негативных ситуаций у каждого четвертого подростка выявлена в поиске поддержки.

2. Установлено, что выраженность стрессоустойчивости, как важного элемента профилактики развития неблагоприятного эмоционального состояния и стресса, являющимися предикторами формирования рискованных форм поведения, определяется эмоциональным и когнитивным компонентом родительской толерантности.

3. Получены новые данные о роли уровня субъективно ощущаемой поддержки со стороны окружающих. Ведущими характеристиками в профилях отношений подростков являлись у каждого третьего деструктивная сверхзависимость, у каждого пятого — дисфункциональное отделение. В основе этиологии межличностной зависимости средней степени выраженности являлась эмоциональная опора на других у 72,3% учащихся; неуверенность в себе у 80,5% учащихся и стремление к автономии у 55,5% учащихся.

Литература

- Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 3. С. 546–559.
- Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. № 1–2. С. 8–19.
- Бардьер Г.Л. Социальная психология толерантности: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
- Бубнова И.С., Рерке В.И. Социально-педагогическое сопровождение как средство профилактики девиантного поведения у подростков из многодетных семей // Педагогический имидж. 2019. № 2 (43). С. 202–212.
- Булычева Е.В. Нейробиологические основы формирования поведения и употребления подростками психоактивных веществ (обзор литературы) // Гигиена и санитария. 2022. Т. 101, № 4. С. 449–452. doi: 10.47470/0016-9900-2022-101-4-449-452
- Елизарьева Л.А., Галактионова М.Ю., Строзенко Л.А., Лобанов Ю.Ф., Болденкова И.Ю., Миллер В.Э. Исследование социального статуса детей, обследованных в центре здоровья // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2020. № 4. С. 196–198.
- Жукова М.В., Шишкина К.И. Аддиктивное поведение детей как следствие нарушения системы внутрисемейных отношений // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. № 4 (158). С. 391–395.
- Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф. Пути преодоления основных проблем социальной защиты малообеспеченной молодежи (на примере Пензенской области) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. № 2. С. 374–386.
- Макарова В.И., Павлова А.Н., Макарова А.И. Факторы риска, влияющие на здоровье подростков России и США: обзор литературы // Экология человека. 2020. № 7. С. 40–46.
- Овчарова Р.В. Корреляционное исследование родительской толерантности // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 7. С. 46–50.
- Овчарова Р.В. Социально-педагогическая запущенность детей и подростков: монография // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 5. С. 49–51.
- Сафронова, М.В., Гаврилова Е.В. Значение статуса семьи для психического здоровья и индивидуальных особенностей ребенка // Сибирский психологический журнал. 2011. № 39. С. 104–111.
- Сафронова М.В., Слободская Е.Р., Гудман Р. Социально-экономическое положение семьи и психическое здоровье школьников // Сибирский психологический журнал. 2003. № 18. С. 78–85.
- Семенова Н.Б. Суицидальное поведение у детей и подростков коренных народов Сибири: социальные факторы риска // Суицидология. 2018. № 4 (33). С. 3–16.
- Смирнов А.В. Рисковое поведение школьников: формы, этиология, последствия // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 2 (65). С. 183–199.
- Усова О.В., Четваева Н.Г., Никитина А.С., Скаво К. Социальная репрезентация образа «благополучия/неблагополучия» современной российской семьи и поведения обучающегося: восприятие явления педагогами // Образование и наука. 2020. № 6. С. 102–136.
- Усова О.В., Усов В.В., Костина Н.Б., Дуран Т.В. Девиантное поведение подростков как проявление индивидуальной аномии: социальный и гендерный аспекты проблемы // Образование и наука. 2021. № 5. С. 164–192.
- Чубаров Т.В., Бессонова А.В., Жданова О.А., Артющенко А.И., Шаршова О.Г. Факторы риска развития ожирения в различные периоды детства // Ожирение и метаболизм. 2021. № 2. С. 163–168.
- Blakemore, S.J., Mills, K.L. (2014). Is adolescence a sensitive period for sociocultural processing? *Annual Review of Psychology*, 65, 187–207.
- Borelli, J.L., Compare, A., Snavely, J.E., Decio, V. (2015). Reflective Functioning Moderates the Association between Perceptions of Parental Neglect and Attachment in Adolescence. *Psychoanalytic Psychology*, 32 (1), 23–35.
- Dalwani, M.S., McMahon, M.A., Mikulich-Gilbertson, S.K. et al. (2015). Female adolescents with severe substance and conduct problems have substantially less brain gray matter volume. *PLoS One*, 10 (5), e0126368.
- Dick, D.M. et al. (2016). Genetic influences on adolescent behavior. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 70, 198–205.
- Fairchild, G., Passamonti, L., Hurford, G. et al. (2011). Brain structure abnormalities in early-onset and adolescent-onset conduct disorder. *The American journal of psychiatry*, 168 (6), 624–633.
- Kerekes, N., Zouini, B., Karlsson, E., Cederholm, E., Lichtenstein, P., Anckarsäter, H., Råstam, M. (2020). Conduct disorder and somatic health in children: a nationwide genetically sensitive study. *BMC Psychiatry*, 20 (1), 595.
- Mills, K.L., Goddings, A.L., Herting, M.M. et al. (2016). Structural brain development between childhood and adulthood: Convergence across four longitudinal samples. *NeuroImage*, 141, 273–281.
- Ovcharova, R.V. (2018). Psychological Structure of Parental Tolerance. *International Research Journal*, 6 (72), 80–85. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.72.6.038> (Abstr. in Russ.).
- Padmanabhan, A., Luna, B. (2014). Developmental imaging genetics: linking dopamine function to adolescent behavior. *Brain Cognitive*, 89, 27–38.
- Rogers, J.C., De Brito, S.A. (2016). Cortical and Subcortical Gray Matter Volume in Youths With Conduct Problems: A Meta-analysis. *JAMA Psychiatry*, 73 (1), 64–72.
- Spear, L.P., Silveri, M.M. (2016). Special Issue on the Adolescent Brain. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 70, 1–3.
- Stern, J.A., Borelli, J.L., Smiley, P.A. (2015). Assessing Parental Empathy: A Role for Empathy in Child Attachment. *Attachment and Human Development*, 17 (1), 1–22.

Zheng, Y., Brendgen, M., Dionne, G., Boivin, M., Vitaro, F. (2019). Genetic and environmental influences on developmental trajectories of adolescent alcohol use. *European Child Adolescents Psychiatry*, 28 (9), 1203–1212.

References

- Arkhangelskiy, V.N., Shulgin, S.G., Zin'kina, Yu.V. (2020). Reproductive behavior of Russian women depending on educational status. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija (Bulletin of the RUDN. Series: Sociology)*, 3, 546–559. (In Russ.).
- Asmolov, A.G., Soldatova, G.U., Shaigerova, L.A. (2001). About the meanings of the concept of “tolerance”. *Vek tolerantnosti: Nauchno-publicisticheskij vestnik (Age of Tolerance: Scientific and Journalistic Bulletin)*, 1–2, 8–19. (In Russ.).
- Bardier, G.L. (2005). Social psychology of tolerance: A monograph. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russ.).
- Blakemore, S.J., Mills, K.L. (2014). Is adolescence a sensitive period for sociocultural processing? *Annual Review of Psychology*, 65, 187–207.
- Borelli, J.L., Compare, A., Snively, J.E., Decio, V. (2015). Reflective Functioning Moderates the Association between Perceptions of Parental Neglect and Attachment in Adolescence. *Psychoanalytic Psychology*, 32 (1), 23–35.
- Bubnova, I.S., Rerke, V.I. (2019). Socio-pedagogical support as a means of preventing deviant behavior in adolescents from large families. *Pedagogicheskij imidzh (Pedagogical Image)*, 2 (43), 202–212. (In Russ.).
- Bulycheva, E.V. (2022). Neurobiological foundations of the formation of behavior and use of psychoactive substances by adolescents (literature review). *Gigiena i sanitarija (Hygiene and sanitation)*, 4 (101), 449–452. doi: 10.47470/0016-9900-2022-101-4-449-452 (In Russ.).
- Chubarov, T.V., Bessonova, A.V., Zhdanova, O.A., Artyushenko, A.I., Shirshova, O.G. (2021). Risk factors for the development of obesity in different periods of childhood // *Ozhirenie i metabolism (Obesity and metabolism)*, 2, 163–168. (In Russ.).
- Dalwani, M.S., McMahon, M.A., Mikulich-Gilbertson, S.K. et al. (2015). Female adolescents with severe substance and conduct problems have substantially less brain gray matter volume. *PLoS One*, 10 (5), e0126368.
- Dick, D.M. et al. (2016). Genetic influences on adolescent behavior. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 70, 198–205.
- Elizarieva, L.A., Galaktionova, M.Yu., Strozenko, L.A., Lobanov, Yu.F., Boldenkova, I.Yu., Miller, V.E. (2020). Study of the social status of children examined at the health center. *Rossijskij vestnik perinatologii i pediatrii (Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics)*, 4, 196–198. (In Russ.).
- Fairchild, G., Passamonti, L., Hurford, G. et al. (2011). Brain structure abnormalities in early-onset and adolescent-onset conduct disorder. *The American journal of psychiatry*, 168 (6), 624–633.
- Zhukova, M.V., Shishkina, K.I. (2018). Addictive behavior of children as a consequence of violation of the system of intra-family relations. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta (Scientific notes of Lesgaft University)*, 4 (158), 391–395. (In Russ.).
- Kerekes, N., Zouini, B., Karlsson, E., Cederholm, E., Lichtenstein, P., Anckarsäter, H., Råstam, M. (2020). Conduct disorder and somatic health in children: a nationwide genetically sensitive study. *BMC Psychiatry*, 20 (1), 595.
- Kosharnaya, G.B., Karimova, L.F. (2022). Ways to overcome the main problems of social protection of low-income youth (on the example of the Penza region). *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija (Bulletin of the RUDN. Series: Sociology)*, 2, 374–386. (In Russ.).
- Makarova, V.I., Pavlova, A.N., Makarova A.I. (2020). Risk factors affecting the health of adolescents in Russia and the USA: literature review. *Ekologija cheloveka (Human Ecology)*, 7, 40–46. (In Russ.).
- Mills, K.L., Goddings, A.L., Herting, M.M. et al. (2016). Structural brain development between childhood and adulthood: Convergence across four longitudinal samples. *NeuroImage*, 141, 273–281.
- Ovcharova, R.V. (2013). Socio-pedagogical neglect of children and adolescents. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya (International Journal of Experiential Education)*, 5, 49–51. (In Russ.).
- Ovcharova, R.V. (2018). Correlation study of parental tolerance. *Obshchestvo: sociologija, psihologija, pedagogika (Society: sociology, psychology, pedagogy)*, 7, 46–50. (In Russ.).
- Ovcharova, R.V. (2018). Psychological Structure of Parental Tolerance. *International Research Journal*, 6 (72), 80–85. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2018.72.6.038> (Abstr. in Russ.).
- Padmanabhan, A., Luna, B. (2014). Developmental imaging genetics: linking dopamine function to adolescent behavior. *Brain Cognitive*, 89, 27–38.
- Rogers, J.C., De Brito, S.A. (2016). Cortical and Subcortical Gray Matter Volume in Youths with Conduct Problems: A Meta-analysis. *JAMA Psychiatry*, 73 (1), 64–72.
- Safronova, M.V., Gavrilova E.V. (2011). The importance of family status for mental health and individual characteristics of a child. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, 39, 104–111. (In Russ.).
- Safronova, M.V., Slobodskaya, E.R., Goodman, R. (2003). Socio-economic situation of the family and mental health of schoolchildren. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, 18, 78–85. (In Russ.).
- Semenova, N.B. (2018). Suicidal behavior in children and adolescents of indigenous peoples of Siberia: social risk factors. *Suitsidologiya (Suicidology)*, 4 (33), 3–16. (In Russ.).
- Smirnov, A.V. (2022). Risky behavior of schoolchildren: forms, etiology, consequences. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Ugra State University)*, 2 (65), 183–199. (In Russ.).
- Spear, L.P., Silveri, M.M. (2016). Special Issue on the Adolescent Brain. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 70, 1–3.
- Stern, J.A., Borelli, J.L., Smiley, P.A. (2015). Assessing Parental Empathy: A Role for Empathy in Child Attachment. *Attachment and Human Development*, 17 (1), 1–22.

Usova, O.V., Chevtaeva, N.G., Nikitina, A.S., Skavo, K. (2020). Social representation of the image of “well-being/disadvantage” of the modern Russian family and student behavior: perception of the phenomenon by teachers. *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*, 6, 102–136. (In Russ.).

Usova, O.V., Usov, V.V., Kostina, N.B., Duran, T.V. (2021). Deviant behavior of adolescents as a manifestation of individual anomie: social and gender aspects of the problem. *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*, 5, 164–192. (In Russ.).

Zheng, Y., Brendgen, M., Dionne, G., Boivin, M., Vitaro, F. (2019). Genetic and environmental influences on developmental trajectories of adolescent alcohol use. *European Child Adolescents Psychiatry*, 28 (9), 1203–1212.

Статья получена 26.09.2022;
принята 29.11.2022;
отредактирована 06.02.2023.

Received 26.09.2022;
accepted 29.11.2022;
revised 06.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT AUTHOR

Булычева Екатерина Владимировна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры сестринского дела факультета высшего сестринского образования Оренбургского государственного медицинского университета, e-sosnina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8215-8674>

Ekaterina V. Bulycheva — PhD in Medicine, Associate Professor, the Department of Nursing, Faculty of Higher Nursing Education, Orenburg State Medical University, e-sosnina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8215-8674>